

Въезжая к отелю, у входа которого стоял портье, он проехал по неровной каменной дорожке, и шины неприятно скрипнули.

Алек отмахнулся от подошедшего сотрудника. Через мгновение он мягко потряс Дэниела за плечо, чтобы разбудить.

— Дэниел.

Он, должно быть, действительно вымотался — он спал настолько глубоко, что ни разу не пошевелился. Даже в этом он был другим.

— Мы приехали, Дэниел.

— ...

— Просыпайся.

И именно в этот момент это произошло. Телефон Дэниела вспыхнул входящим вызовом. Рингтон, подключённый по беспроводной связи к аудиосистеме автомобиля, разорвал тишину.

На передней панели крупными буквами высветились имя и номер абонента. Дэниел, потирая глаза, проснулся.

□Джошуа Линдберг□

Его только что проснувшееся лицо изменилось мгновенно. Как у человека, заглянувшего в бездну — настолько далёкое от радости выражение, насколько это вообще возможно.

Дэниел, который всегда сгорал от внутреннего протеста к спонсорам, показал лицо, которого Алек никогда прежде не видел.

Прежде чем Алек успел что-либо сказать, Дэниел двинулся молниеносно. К моменту, когда он потянулся к кнопке на панели, уже было трудно сказать, дышит ли он вообще. Казалось, он полностью забыл, что в машине есть кто-то ещё.

Как человек с клаустрофобией, запертый в лифте, его дрожащие пальцы заметно тряслись.

[Это я.]

Даже этот слабый голос, это искажённое выражение.

[Поздравляю. Я смотрел гонку. Третье место, да.]

В этот момент для Алека Уокера не осталось пространства для вмешательства. Он был для него абсолютно бесполезен.

[Но знаешь... я всё ещё иногда хочу, чтобы ты был мёртв. Это не изменилось.]

Звонок оборвался на этих словах. В машине повисла ледяная тишина.

Дэниел застыл, словно его пронзили, а Алек, всё ещё держа руку, чтобы разбудить его, не мог позволить себе говорить необдуманно.

В этот момент Алек Уокер увидел, как его пилот, который, казалось, умел только идти вперёд,

впервые резко нажал на тормоз.

— Что это сейчас было?

— ...

— Дэниел.

Человек, который мгновенно менял поведение как спонсор или оставался твёрдым, как камень перед фанатами, треснул от одного звонка.

— Ответь мне, Дэниел Линдберг.

Машина, в которой они были вдвоём, словно перевернула привычный порядок вещей, и это стало началом их переплетения миров.

□

Все отношения оставляют самые сильные воспоминания, когда заканчиваются. Поэтому коричневые обои с древесным рисунком и скрипящий пол в коридоре, совпадающий с твоими взволнованными шагами, ощущаются такими же живыми, как вчера. Стоит лишь вспомнить — и в груди остаётся тяжесть, не находящая выхода.

Предупреждения не было. Как разбитое окно, разлетающееся под ударом крыльев неопытной птицы, катастрофа обрушилась на нас так же внезапно.

В девятнадцать лет я мучительно думал, как начать разговор, но в итоге сразу перешёл к сути. Я думал, что ты поймёшь, как бы я ни сказал. Я верил, что ты спокойно сядешь на кровати и, подняв взгляд, выслушаешь слова своего брата до конца — как хороший младший брат, которым ты всегда был.

Но я ошибался. Если бы я только понял, что спокойствие на другом берегу моря — это приближающееся цунами.

— Почему?

Джошуа носил шлем с тех пор, как Дэниела Линдберга признали гениальным юным пилотом. Он столько раз глотал крики и обиды, что в итоге просто закрыл рот на замок. Так Дэниел вырос гонщиком, который тренировался до последнего момента даже под проливным дождём.

Мы сдерживались друг ради друга. Мы были братьями, которые не ссорились.

Но иногда я думаю: а правильно ли это было?

— Почему ты уходишь?

— Я давно об этом думал. Ещё до перехода в F2.

— Чьё это решение?

Упрёк, острый как лезвие у горла, ударил мгновенно. Реакция была неожиданной. Лицо Джошуа исказилось от сильного чувства предательства.

Словно заставляя несостыкованные шестерёнки с трудом вращаться, я открыл рот.

— Джошуа. Давай остановимся.

— О чём ты вообще говоришь?

— Обо всём этом. О том, через что проходишь ты, о том, что делаю я — обо всём.

— Дэниел Линдберг!

— Ты ни разу мне не сказал. Ни разу. Пока всё не стало настолько плохо.

Джошуа резко шагнул вперёд и выхватил из руки Дэниела упаковку таблеток. Рисперидон и арипипразол. Оба — антипсихотики.

Младший брат годами тайно принимал снотворное Наоми. Дэниел всё это время не придавал этому значения, думая, что это просто таблетки для сна. Но сейчас он понял, что ошибался. Эти препараты он раньше не видел.

Дэниел отступил назад, пытаясь удержать упаковку. Они почти одновременно прикусили губы до крови.

— Что ты вообще делал в моей комнате?

— Джошуа.

— Кто ты такой, чтобы лезть ко мне?!

В тот момент разорвалось не только дыхание, но и сама упаковка таблеток, и губы. Как дерево, которое не падает, даже когда по нему сотни раз бьют топором, мы рухнули, разорвались и раскололись. Необратимо.

— Ради кого я всё это терпел... зачем я вообще всё это принимал! Чтобы доказать? Чтобы стать чемпионом? Чтобы всё раскрыть?!

— Джошуа.

— Ты первым дал обещание! Я тебя не просил, ты сам его дал! Я всё это терпел, дошёл до этого момента — и теперь ты уходишь? Тогда ради чего были все мои страдания?! Ради чего всё это время?!

Ровно десять лет. Мы держались друг за друга в этом аду — и в итоге стали совершенно другими людьми.

Из-за домашнего обучения вместо школы Джошуа вырос молодым человеком, который едва произносил десять слов в день.

По сравнению с худощавым младшим братом тело Дэниела уже стало телом полноценного спортсмена. Его крепкое тело даже не сдвинулось, когда Джошуа, швыряя бутылки с таблетками и подставки для ручек, бросился на него и ударил. Единственное, что у них осталось общего, — это лица. Они уже слишком сильно разошлись.

Правда, пробивавшая до костей, ударила как дротик.

— Ты любишь гонки, хён.

— ...

— Неважно, ради меня или потому что ты больше ничего не знаешь.

— ...

— В конце концов, ты продолжаешь, потому что любишь гонки. Потому что тебе это нравится... ты думал, я этого не замечу?

Честные слова, острее шипов, вонзились в самую глубину Дэниела.

Глаза Джошуа, полные обиды, изливали неконтролируемую ярость. Слезы, как кипящее масло, к которому никто не решался прикоснуться, долго стекали по его щекам.

Дэниел застыл, как человек, которому в ногу вбили кол.

— Гонки, пока твоего брата избивают... если тебе это нравится, ты хотя бы должен стать чемпионом. Сдержать обещание, которое дал мне. Почему ты сдаёшься первым? Кто ты вообще такой?!

— Джошуа. Я...

— Какая вообще ценность у хёна, если он не гонщик?

Может быть, нам стоило больше ссориться в детстве?

Если бы мы чаще бросали друг другу оправдания вроде «я делаю это ради тебя», если бы я жаловался и ненавидел столько же, сколько ты, если бы мы спрашивали себя, чего мы так боялись, когда стали взрослыми, — возможно, эта гниющая рана не разорвалась бы так страшно.

Если бы мы хоть раз поссорились как обычные братья. Или если бы я не сказал, что уйду из гонок. Если бы я проигнорировал ту упаковку таблеток...

— Скажи сам. Если Дэниел Линдберг не живёт как автогонщик, какая у тебя ценность? Посмотри мне в глаза и скажи это.

Сколько раз я думал «если бы не это» или «если бы тогда»? Но каждый раз Дэниел понимал: есть моменты, которые человек не способен отменить.

Как когда он в детстве рисовал машины на лиших блокнотах из приюта. Как когда он красил их в красный. Как тот момент, когда на него обратил внимание знаменитый гонщик Ferrari — как сегодня.

— Если ты не гонщик, ты бесполезен, хён. Если собираешься уйти — лучше умри на трассе.

Катастрофа. Неотвратимая катастрофа.

Великое и уродливое слово для нас.